

Любовь — это игра, в которую могут
играть двое и оба выигрывать.

Эва Габор

1

Истон

Эта вечеринка отличалась от всех остальных празднований Марди Гра*, на которых устраивали костюмированные парады. Атмосфера здесь царила совершенно иная.

Я оценивающе наблюдала за богатыми и влиятельными гостями: имена и связи говорили о них даже больше, чем университетские дипломы или должности. И хотя все вокруг меня, казалось, вели себя непринужденно — на мой взгляд, благодаря обилию шампанского, — это была просто еще одна маска.

Здесь не отдыхали, а работали. Народ заключал сделки и приобретал новые связи. Политиков тоже было немало — они неизменно находились на своем посту.

Но все же... в воздухе проскакивали искры. В конце концов, это же Марди Гра в Новом Орлеане! То самое время года, когда местные жители бегут из города, а волны туристов наводняют улицы, и поездка, обычно занимающая пятнадцать минут, растягивается на три часа из-за бесконечных шествий, перекрывающих дороги.

* Марди Гра (Mardi Gras) — традиционный карнавальный весенний праздник, который является мировым аналогом Масленицы (здесь и далее прим. пер.).

В течение каждого сезона Марди Гра в городе и его окрестностях проходило от сорока до пятидесяти парадов, и на каждом присутствовала «Крю» — некоммерческая организация, на чьи средства украшали платформы для шествий, которые стоили до восьмидесяти тысяч долларов. Сами члены этой организации могли скрывать лица под масками, пока бросали бусы и другие безделушки в море протянутых рук кричащей толпы.

На этой вечеринке собрались самые значимые представители «Крю», практически аристократы, если учесть их деньги и политические связи. Адвокаты, руководители компаний, судьи... Все, кто хоть что-то из себя представлял, присутствовали здесь сегодня. Вот почему мой брат принял приглашение. Джек знал, что общество Нового Орлеана похоже на покрытый глазурью пончик: нужно раскусить твердую оболочку, чтобы добраться до самого вкусного.

Переговоры велись не на заседаниях совета или в офисах, а за бокалом «Чиваса» в сигарном баре или во время поедания десяти фунтов лангустов в пропахшей морепродуктами забегаловке во Французском квартале под звуки каллиопа* с парохода «Натчез», долетающие сквозь распахнутые стеклянные двери. Люди больше верили в ту чушь, что вы несли, будучи нетрезвым, а не вашей подписи.

Вот почему я люблю этот город.

Он пережил много бурь в прошлом — из крови, пота, музыки, агонии и смерти от рук людей, которые оказались на дне, но сумели взять реванш.

Слегка улыбнувшись официанту, я взяла еще один бокал шампанского с подноса и стала рассматривать репродукцию картины Дега. «Холст,

* Каллиопа – паровой орган, использующий локомотивные или пароходные гудки.

расписанный маслом, быстро сгорает. Очень быстро», — размышляла я, ощущая, как бокал леденит пальцы.

Боже, какая скука! Раз уж я начала представлять, как предметы горят в огне, значит, пора идти спать.

Но тут я бедром ощутила вибрацию телефона и выпрямилась, снова отходя от картины.

— Джек, — прошептала я, поставив бокал на высокий круглый стол и приподнимая подол платья, чтобы достать телефон, прикрепленный специальным ремешком к бедру — терпеть не могу таскать с собой сумочки, а поскольку пришла сюда с братом, у которого имелись при себе кредитные карты, все, что мне требовалось, — лишь спрятать куда-либо мобильный телефон.

Проведя пальцем по экрану, я нажала на уведомление о новом сообщении.

«Если ты кому-нибудь нагрубишь, мое будущее будет разрушено».

Я вскинула голову и невольно улыбнулась, оглядывая банкетный зал. Мой брат стоял в компании важных персон, но смотрел на меня, ухмыляясь и приподняв бровь в знак предупреждения.

«Я?» — написала я в ответ и взглянула на него с наигранной обидой.

Он прочитал сообщение и, усмехнувшись, покачал головой.

«Я знаю, на что ты способна, Истон».

Я закатила глаза, но мысленно улыбнулась.

Джек определенно хорошо меня знал.

Но ему следовало бы знать меня еще лучше. Я никогда не подведу своего брата. Возможно, у меня такой же вспыльчивый характер, как у отца, и в некоторых ситуациях мне, как и маме, сложно держать язык за зубами, но на меня можно положиться. Когда брат нуждался во мне, я не задавала вопросов и была рядом. Ради него я готова была вытерпеть все что угодно.

«Я выдержу», — ответила я, глядя в его озорные карие глаза.

Джек был на три года старше меня и доучивался на третьем курсе юридического факультета в Тулейне. Он снова и снова таскал меня на благотворительные мероприятия, официальные обеды и праздничные вечеринки, внедряясь в новоорлеанскую элиту, налаживая связи и выстраивая отношения. И все для того, чтобы получить выгодное приглашение на работу после выпуска, до которого оставалось чуть больше года.

Я терпеть не могла тратить время на вещи, которые меня не интересовали, но у Джека не было подружки, которая взяла бы на себя эти скучные обязанности, поэтому он часто привлекал меня к роли безропотной «плюс один».

«Найди себе игрушку, — поддразнил он, — и не пачкайся».

Я вызывающе посмотрела на него, изогнув бровь и надеясь, что он это увидит. Даже сквозь мою черную металлическую полумаску.

«Как пожелаешь...»

Я насмешливо сверкнула глазами.

Когда мы только приехали, я держалась возле Джека, пока он разгуливал по залу и общался, но потом разговор зашел о судебных ошибках и смягчающих обстоятельствах. Вот тогда-то я и сбежала, предпочитая бродить и размышлять в одиночестве, а не натянуто улыбаться и кивать, как будто мне интересна тема беседы.

Но теперь, оглядывая толпу и пытаясь последовать совету Джека заняться чем-нибудь (или кем-нибудь), я была вынуждена признать, что даже не знаю, с чего начать.

Пусть брат чувствовал себя здесь как рыба в воде — смеялся и обменивался рукопожатиями, как свой парень, — но я слегка стусевалась.

Присутствовала на вечеринке, но как бы *не совсем*.

Было время, когда мы менялись ролями.

И было время, когда я не ощущала безразличия.

Я убрала телефон обратно под ремешок на бедре. Не то чтобы он требовался мне, чтобы прятать оружие, но вещь определенно оказалась полезной.

Материя приятно скользнула по коже. Несмотря на то что стоял февраль и на улице все еще было довольно холодно, я не смогла устоять перед соблазном надеть наряд из легкой струящейся ткани. Большую часть юности я провела в кроссовках и теннисных юбках; сейчас все мужские взгляды были прикованы ко мне.

Платье обтягивало грудь и спину и спадало до самых пят, равномерно расширяясь ниже талии. Ткань была ярко-красной и отлично смотрелась с моей черной металлической полумаской с плавными изгибами и кружевным узором. Единственным украшением служила пара бриллиантовых сережек-гвоздиков, подаренных мне десять лет назад родителями в честь победы в юношеском турнире Открытого чемпионата США.

Нагнувшись, я сняла одну туфлю — ненавижу подобную обувь — и размяла ногу. В голове не укладывается, как другие женщины ежедневно ходят на каблуках — это же так неудобно.

Балансируя на одной ноге, я схватила свой бокал с шампанским. Туфля выскользнула из пальцев и свалилась на пол. Вздохнув, я наклонилась, чтобы ее поднять, но кто-то сжал мое запястье и забрал у меня бокал.

— Осторожнее, — предупредил глубокий мужской голос.

Я перевела взгляд на лужу шампанского на полу. Мужчина быстро опустился передо мной на одно колено так, чтобы не испортить брюки.

— Позвольте мне, — предложил он.

Стараясь не обращать внимания на трепет в груди, я смотрела, как он уверенным движением надевает туфлю, держа меня за лодыжку. Его пальцы были теплыми, и мое сердце забилось чаще, что вызвало волну раздражения.

Он был без маски в отличие от большинства гостей. Отец говорил, что, вероятно, такой человек не играет в игры и не испытывает необходимости сливаться с толпой. Он открыто показывает, что из себя представляет. Бесстрашный, смелый, нарушитель правил...

Мой внутренний циник, однако, сказал бы, что мужчина просто забыл свою маску дома.

Незнакомец с интересом взглянул на меня, заносчиво скривив губы. Я сразу поняла, что он старше меня.

Намного.

Судя по едва заметным морщинкам вокруг глаз, ему было лет тридцать пять. И хотя это еще не старость, рядом со мной — а мне двадцать три — он казался человеком практически из другого поколения.

Мне и это в нем понравилось. А уж если он так уверенно владеет руками, то, возможно, и языком тоже. Я имею в виду — в беседе.

Темные волосы аккуратно уложены, сшитый на заказ шерстяной смокинг настолько черный, что все остальные блекли на его фоне. Начищенные туфли сияли ярче «Ролекса», хвала за это Господу. Мужчины, выставляющие свое богатство напоказ, такие капризные.

И он был очень красив. Острый подбородок, высокие скулы, серо-голубые глаза, прямые черные брови.

Более чем красив. Обольстителен.

Мои губы тронула легкая улыбка.

— Спасибо, — вполголоса поблагодарила я, опуская ногу обратно на пол.

Его пальцы скользнули на дюйм выше по моей икре, прежде чем отпустить. По коже пробежал озноб. А он действительно смелый.

Я выдержала его взгляд — цвета облаков, полных непролитого дождя, — и затем мужчина поднялся, выпрямившись во весь рост и не делая ни малейшей попытки отодвинуться.

— Теряешь обувь, проливаешь напитки... ты всегда такая оторва? — поддразнил он меня, и тепло разлилось внизу моего живота.

— Трогаешь незнакомых женщин, бросаешь высокомерные замечания... ты всегда такой грубиян? — парировала я.

В его глазах мелькнули искорки смеха, но я не стала дожидаться ответа.

Взяв со стола свой бокал, я скользнула мимо мужчины, возвращаясь к картине. Если он такой, каким мне показался, то последует за мной. Ему придется постараться, чтобы завоевать мое внимание, пусть он меня уже заинтересовал.

Я поднесла бокал к губам, ощутила на языке холодную горечь пузырьков и почувствовала, что мужчина наблюдает за мной.

— Не похоже, что ты здесь веселишься, — заметил он, шагнув ко мне.

У его одеколona был тонкий приятный аромат, и мои веки на мгновение затрепетали.

— Напротив... — Я указала на репродукцию. — Я как раз размышляла о том, что немного бензина и одна спичка улучшат эту картину.

Он тихо рассмеялся, его глаза замерцали в тусклом свете банкетного зала.

— Все так плохо, да?

Я со вздохом кивнула.

— Плохо.

Стоя с ним бок о бок, я в полной мере оценила его комплекцию. При росте в сто семьдесят сантиметров

меня нельзя назвать коротышкой, но даже на каблуках я доставала ему только до плеча. Мужчина обладал широкой грудью и мускулистыми руками — этого не мог скрыть даже смокинг.

Незнакомец посмотрел на меня сверху вниз с явным выражением превосходства.

— И часто тебя посещают пироманские фантазии? — спросил он, открыто забавляясь.

Я снова повернулась к картине, рассеянно глядя на нее и обдумывая его вопрос.

Меня посещало много фантазий, и пироманских, и прочих, но какой простушкой бы я показалась, признавшись ему в этом? Слишком банально. Не стоит поддаваться.

— Я не хочу ничего поджигать, — заверила я собеседника. — Мне просто нравится стоять посреди горящих комнат.

Я допила шампанское и повернулась, чтобы поставить бокал на стол, но мужчина остановил меня.

— И как долго бы ты так простояла? — спросил он задумчиво. — То есть до того, как попыталась бы сбежать?

— Дольше всех.

Он усмехнулся.

— А как насчет тебя? — задала я встречный вопрос. — Ты бы бросился к выходу вместе с обезумевшей толпой?

— Нет, — ответил он. — Я, естественно, уже стоял бы на улице.

Озадаченная, я прищурилась.

— В конце концов, это ведь я здесь все поджег, — прошептал он.

У меня заболела челюсть — так сильно захотелось улыбнуться. Во время разговора мужчина смотрел мне прямо в глаза. Конечно, меня интересовали не столько его ответы, сколько его способность

поддерживать беседу. Я могла бы поучаствовать в светском разговоре, но все получилось гораздо веселее.

— Жаль, что тебе не нравится эта картина, — сказал он.

У меня снова завибрировал телефон, но я проигнорировала его.

— Дега — замечательный художник, — откашлявшись, заговорила я. — Он мне нравится. Во многих своих работах он стремился передать движение, а не изображать неподвижные фигуры.

— Кроме этой.

Собеседник кивком указал на полотно с изображением одинокой женщины, сидящей в баре.

— Да, кроме этой, — согласилась я, сделав жест в сторону работы под названием «Абсент». — Дега также пытался показать людей, оторванных от общества. Когда эту картину представили публике, критики назвали ее уродливой и отвратительной.

— Но тебе она нравится, — заключил он.

Я медленно двинулась вдоль стены, не сомневаясь, что за мной последуют.

— Да, даже когда репродукция выполнена плохим художником, — пошутила я. — Но, к счастью, никто здесь не заметит разницы.

В ответ я услышала тихий смех. Вероятно, мужчина раздумывал, принимать ли сказанное на свой счет или нет. Впрочем, он показался мне человеком, которому на самом деле плевать на чужое мнение. Вряд ли ему хотелось добиться моего расположения. Я заметила, как его взгляд скользнул по моей спине — единственной, за исключением рук, части тела, которую не скрывали уложенные крест-накрест слои ткани, — и опустился на бедра.

Я вышла на широкий, уставленный зажженными свечами балкон, где была почти не слышна играющая в зале музыка.

— Тебе ведь на самом деле не интересно обсуждать Дега, правда? — Я подошла к перилам, повернув голову ровно настолько, чтобы держать мужчину в поле зрения.

— Срать я хотел на Дега, — заявил он без всякого стыда. — Как тебя зовут?

— И это тебе тоже не так уж важно знать.

Он схватил меня за руку. Слегка обернувшись, я взглянула на него снизу вверх.

— Я не задаю вопросов, на которые не хочу получить ответы.

Это прозвучало как предупреждение. Я сжала пальцы в кулак, сердце пропустило удар. Хотя у меня сложилось впечатление, что этот мужчина обладает довольно игривым нравом, теперь я поняла, что он не так прост.

— Истон, — сдалась я.

Отвернувшись от него, я вцепилась в перила и сделала глубокий вдох. Запах магнолий из банкетного зала защекотал ноздри, соединившись с едва ощутимым ароматом, присущим лишь Французскому кварталу. Старое дерево, выдохшийся ликер, прелая бумага и дождь, — все это вместе рождало благоухание, едва ли не более восхитительное, чем еда, купленная во время тихой утренней прогулки в тумане по Бурбон-стрит.

— А ты не хочешь узнать мое имя?

— Я не задаю вопросов, на которые не хочу получить ответы, — невозмутимо ответила я и почувствовала, что он улыбнулся.

От вида Французского квартала у меня захватывало дух. Море людей буквально затопило Бурбон-стрит, в толпе едва хватало места, чтобы развернуться. За все пять лет, проведенных в этом городе, мне редко доводилось созерцать подобное зрелище, так как во время Марди Гра я предпочитала посещать тусовки на Френчмен-стрит.

Но все же я испытывала благоговейный трепет. Вечерние улицы, неоновые вывески баров, джаз-клубов и ресторанов, бусы, летящие с балконов, — все это создавало красочную картину, полную света, музыки, возбуждения и голода.

Во время Марди Гра было дозволено все.

— *Ешь до отвала. Пей сколько хочешь. Только зашлись, и...* — я почувствовала, что мужчина придвинулся ко мне, — *...все твои желания будут удовлетворены.*

Марди Гра — это карт-бланш. Одна ночь, в течение которой никаких правил не существует и можно делать все что хочешь, потому что со следующего утра — Пепельной среды — будешь замаливать грехи и очищать от них душу в течение следующих шести недель Великого поста. Я завидовала всеобщему беззаботному веселью, мечтая набраться смелости и забыть обо всем, отбросить все страхи и посмеяться над тем, чего не вспомню утром.

— Вот это столпотворение! — заметила я, наблюдая за толпой, заполонившей всю улицу, насколько хватало глаз. — Не хотела бы я оказаться в центре.

Откинув за плечо длинные темно-каштановые волосы, я повернула голову и встретилась взглядом с собеседником.

— Но мне нравится наблюдать за всей этой суматохой сверху, — призналась я ему.

— Так нельзя, — проворчал он с едва заметной улыбкой. — Каждый должен хотя бы раз испытать на себе безумие уличной толпы.

— Обходя лужи рвоты, да?

Он покачал головой и, опершись на перила, спросил:

— Так чем ты занимаешься?

— Через пару месяцев получу степень магистра, — ответила я. — В Лойоле.